

ОДД И КЛЮЧ ВРЕМЕНИ

Оак Баррель

Оак Баррель

**Одд и ключ времени. История
необыкновенного путешествия**

«Издательские решения»

Баррель О.

Одд и ключ времени. История необыкновенного путешествия /
О. Баррель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833025-4

Это история о том, что труднее вернуться, чем уйти, о дружбе, которая бывает, и приключениях, которые случаются, о времени, что можно повернуть вспять, и тупом упрямстве, которое не доводит до добра. Где-то за тысячелетия до живут косматые дикари, сами не свои до смешных рассказов. А в недалеком после по улицам носятся жуткие повозки размером с дом. Под горой живут орки, ворующие детей. Тролль чинит мельничные колеса. А мальчик в шахте находит нечто, оказывающееся вовсе не тем, на что похоже.

ISBN 978-5-44-833025-4

© Баррель О.
© Издательские решения

Содержание

Одд	6
Таинственная находка	10
Далеко когда-то	13
Племя Хум	16
Раненый охотник	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Одд и ключ времени

История необыкновенного путешествия

Оак Баррель

© Оак Баррель, 2016

ISBN 978-5-4483-3025-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это история о том, что труднее вернуться, чем уйти, о дружбе, которая бывает, и приключениях, которые случаются, о времени, что можно повернуть вспять, и тупом упрямстве, которое не доводит до добра.

Где-то за тысячелетия *до* живут косматые дикари, сами не свои до смешных рассказов. А в недалеком *после* по улицам носятся жуткие повозки размером с дом. Под горой живут орки, ворующие детей. Троль чинит мельничные колеса. А мальчик в шахте находит нечто, оказывающееся вовсе не тем, на что похоже.

Одд

Со стены на Одда смотрел крупный коричнево-зеленый слизняк с лиловыми бусинами глаз на подрагивающих стеблях. Полупрозрачный и неподвижный, он напоминал один из тех редких камней, которые попадались в шахте вблизи залежей слюды.

«Неприятное создание», – подумал Одд и отвернулся, снова принявшись стучать киркой об известняк и стараясь думать о чем-нибудь прекрасном вопреки унылой сумеречной штольне. Тоннель за его спиной тянулся узким проходом в человеческий рост. Точнее, в рост мальчика тринадцати лет, достаточно высокого для своего возраста и необычайно тощего, с бледной, натянутой на лице кожей, давно лишенной солнечного света. Кое-как укрепленный балками потолок сочился водой, которая стекала под ноги, покрывая мутной пеленой щиколотки. Оборванная одежда не по росту болталась много раз залатанными лохмотьями, обнажая натянутые как веревки мышцы. На вбитом в стену крюке висел тусклый, чадающий нефтью фонарь.

Когда-то здесь было дно древнего океана, и над головой вместо камней и пластов угля проплывали огромные зубастые рыбы. Их скелеты, а также причудливые окаменевшие раковины и отпечатки водорослей часто находили в трещинах окружающих долину скал, выступающие ребра которых поросли густыми сосновыми лесами и папоротником. Горы укрывают от ветра, но они же крадут солнце, стоит ему лишь немного качнуться в сторону от зенита.

Сама долина Яттерланд, насколько хватает глаз, простирается вдоль русла полноводной в низовьях Ойи, сжатая с боков островерхими пиками медленно оседающих гор. Зелень лесов, теряясь в голубой дымке, превращает ее в подобие гигантской нарядной лодки, невидимые гребцы которой месят ветрами-веслами ленивые тучи и срывают снега с вершин.

У истоков Ойи высоко в горах огромным серым языком со склонов сползает ледник Фрохх, питающий реку своей прозрачной холодной кровью. Вода перемешивается с песком и в низине, чуть мутноватая, наскоро подогретая солнцем, крутит ряды мельничных колес, гонит рыбацьи лодки и дает жизнь узким полоскам полей вдоль берега.

Ночью там и тут по сторонам серебристой ленты, взбираясь на склоны среди лесов, светятся огоньки деревень, лениво перекликающихся собачьим лаем. Земля отдает себя небу, и долина засыпает, проваливаясь во тьму, как в невесомую скомканную перину.

Одд снова и снова ударял по камню.

Где-то там, недостижимо далеко, за толщей холодного влажного камня находится большой теплый дом, выходящий крыльцом в старый яблоневоый сад... Там его, наверное, еще ждут.

В каком-то смысле Одду повезло, если отринуть сам факт того, что оказаться здесь – это уже совсем не здорово: он успел доучиться до четвертого класса школы, прежде чем попасть в лапы к оркам, и знал о мире гораздо больше, чем младшие ребята, так же, как он, брошенные в мрачные шахты под Свиной горой. Гора эта, покатаая, изрезанная ручьями, наваливалась на долину справа, как жирный, поросший щетиной свиной бок, откуда и получила свое название. Именно с ней были связаны самые страшные сказки и самые печальные истории. Мрачные леса проклятой горы заросли непроходимой чащей, и ни одной человеческой тропы не вилось там меж свисающих до земли ветвей.

Одд снова ударил в камень. Тот отозвался глухим скрежетом. Несколько обломков с плеском свалилось в воду у ног мальчика.

Школа... Одд на секунду закрыл глаза, пытаясь яснее ее представить. Школа долины Яттерланд располагалась в большом двухэтажном доме с покатыми крышами, в самой большой деревне, которая так и называлась – Широкая. Жители долины вообще не утруждали себя сложными названиями: в Овцах разводили овец, в Бревнах заготавливали лес, в Мельницах –

мололи муку, в Грядках – огородничали, в Сетях – рыбачили и так далее. В Стрелах, откуда был родом Одд, жили в основном охотники и собиратели трав.

Все деревни, кроме совсем уж малюсеньких поселений в лесных чащобах, располагались недалеко друг от друга вдоль реки. Дети из них пешком, на понурых жилистых осликах или в лодках стекались утром в Широкую, словно ручейки, заполняя гомоном школу.

В теплое время года уроки проходили под деревьями во дворе, и классы часто смешивались, сбиваясь в кучки там, где интересней. Учителя же в основном приезжали из далеких краев и жили в долине по несколько месяцев, за исключением директора и еще трех-четырех, обосновавшихся в долине со своими семьями. Их дома, расположенные рядом со школой, так и называли – Учительская.

– Куда едешь, Скрагг? – спрашивал встречного товарищ.

– В Учительскую. Опять мой напортачил! Подрался, что ли... Вольно ж ему, остолопу, кулаками махать! Жениться пора, а в башке, как у земляной жабы в закромах, – пусто! А мне кататься туда сюда, – отвечал сердитый отец, вызванный директором в школу.

Все бы ничего. Но над жителями Яттерланда извечно висела беда. Ею были живущие под Свиной горой орки, которые с незапамятных времен досаждали, устраивая вылазки по окраинам. Могли напасть на человека в лесу. Увести скот с лугов. Разорить пасеку. Но самым ужасным было то, что орки похищали детей, утаскивая их в свои глубокие норы, откуда не было возврата.

Впрочем, взрослые пропадали редко. Если только кто из охотников забредет в одиночку слишком далеко в лес. Или неосторожный рыбак заснет на берегу в безлюдном месте. Тогда могут напасть гуртом, убить и съесть неосторожного путника. Детям же строго-настрого запрещалось ходить по диким склонам с их расщелинами и логовами среди корневищ, в которых таились орки.

Иногда – очень редко – дети возвращались домой. Но они уже были не такими, как прежде... Одд это хорошо знал. Знал то, что очень скоро в подземельях они совершенно дичали и почти переставали говорить, кроме нескольких простых слов вроде «есть», «пить» и «дай». Иные забывали даже свое имя, откликаясь лишь на крики охранников-орков и звон железяки, в которую те колотили, созывая детей на ужин. В шахтах под Свиной горой кормили всего один раз – перед сном. Мальчики быстро превращались в безмолвные тощие тени, которым уже не покинуть подземелий. Даже говорить с ними было не о чем. Первое время они постоянно плакали, а потом замыкались в себе и молчали, глядя с испугом голодными огромными глазами. Лишь дрались за еду и удобное место для ночлега. Да и орки били плеткой всех, кто разговаривал меж собой.

И в этом Одд сильно отличался от других: он не одичал и не превратился в запуганного зверька. Сколько он себя помнил, он плакал только один раз – когда погиб его отец и пропал старший брат Гладд, которому едва исполнилось семь. Они возвращались тогда с рыбалки – их отец охотник Дарр, Гладд и соседский мальчик, имени которого он не помнил. Пастух Овец видел их у самой деревни, но не успел помочь: когда старик добежал, больше опираясь на рогатину, чем угрожая ей, было уже поздно. Бывалый охотник погиб, сражаясь с толпой высыпавших из-за камней орков. Одда же подземные твари камнем ударили по затылку и бросили, предоставив судьбе, – наверное, в свои четыре он показался им слишком маленьким для работы в шахтах. Или они просто забыли про него, лежащего в траве у дороги. Да и не до этого им было: почти все напавшие на них твари остались валяться тут же, перебитые силачом Дарром. Но их было слишком много для одного воина.

Одд закрывал глаза и как наяву видел своего огромного отца, размахивающего дубиной. Дальше была темнота.

Кирка в его руках не переставая ломала камень.

Теперь уже Одду, наверно, все тринадцать, два из которых он провел глубоко под землей с киркой и фонарем, добывая цветные камешки для ненавистных хозяев подземных нор. Два... А может быть, и три года или целую вечность – потому что он точно не знал, сколько на самом деле времени прошло с тех пор. Кажется, дважды их по несколько недель кормили кашей из грибов-вонючек, которые собирают в низинах осенью. Если их не вымочить хорошенько в рассоле, то в рот не взять. Но здесь в голодных подземельях вкус не так важен – гораздо важнее количество еды, будь то хоть прокисшие воняющие грибы или каша из древесной коры.

Если он правильно подсчитал, значит, наверху прошли две осени и кончалась морозная снежная зима. Даже самый пасмурный зимний день там наверху казался Одду теперь ярким, как само солнце, и таким желанным...

Мальчик снова ударил киркой и оглянулся.

Слизняк все так же сидел, прилепившись к неровности стены, и рассматривал его темными бусинами глаз на коротких подрагивающих стебельках.

Слизни шпионили здесь за каждым, свешиваясь со стен, потолков и балок, беззвучно передавая информацию по цепочке. Когда кто-то падал без сил, ломал руку или ногу и не мог больше работать, слизняки давали знать остальным, и в шахте появлялись визжащие слюнявые орки, безвозвратно утаскивая мальчика в темноту. Кричать и сопротивляться было бесполезно: ослабевшие маленькие рабы ничего не могли сделать с проворными злыми тварями. К тому же те всегда набрасывались по двое-трое на одного, оглушая и связывая жертву обрывками грязных веревок.

Часто Одду удавалось подслушать безмолвную речь слизняков. Сколько он ни спрашивал других мальчиков, никто их ее больше не слышал. Слова как бы сами собой складывались в голове, словно кто-то сзади нашептывал их тихим липким голосом. Обычно ничего интересного: тот отвлекся, этот ушиб ногу... Но зато всегда можно было знать, что приближаются орки. Тогда у слизняков начинался настоящий переполох, потому что твари не только использовали их, чтобы шпионить за пленниками, но и запросто ели, проходя мимо. Будто мерзкий комок слизи был яблоком на ветке в саду.

«Наверное, – думал Одд, – орки потому и забирают сюда детей, чтобы меньше кормить и проще справляться, если что. Толку от нас мало, да, похоже, им больше и не надо – лишь бы кое-как колотили киркой и набирали горсть цветных камешков за миску холодного супа... Я расту и не умираю, и скоро им буду не нужен. Тогда они придут, чтобы покончить со мной». Совсем невеселые мысли, но ведь и место не из веселых.

Со стен и потолка шахты не переставая капала вода, натекая в холодные мутные лужи со скользким дном. Одд столько времени провел по колени в ней, столько раз в нее падал с головой, поскользнувшись на булыжниках, что ненавидел эти лужи почти так же, как самих орков, шпионов слизней и сами унылые подземелья.

Он сжал зубы и снова принялся бить киркой о крошащейся известняк в грязно-коричневых прожилках. Нескончаемая толща камня ему смертельно надоела, но она давно стала его единственным собеседником и казалась более живой, чем слизняк на стене или даже те упавшие духом мальчишки, с которыми он ночевал бок о бок в холодной узкой пещере-спальне.

В свете тусклой лампы неровности проступали то чьим-нибудь крючконосим лицом, то драконом или собакой, то картой далекой неизвестной страны, в которую он обязательно когда-нибудь попадет. А время от времени случались и просто удивительные находки: панцирь древней черепахи или улыбающийся череп гигантской рыбы с зубами длиной в ладонь. Одна окаменевшая ракушка была острой, как шило, и напоминала охотничий кинжал. Орки тут же отбрали находку, которая могла послужить оружием.

Не переставая стучать о разлетающийся осколками камень, Одд еще и еще раз пересчитывал дни, вспоминал имена и дни рождения своих близких, их лица и все то, что с таким

трудом давалось ему на уроках в школе. Когда ничего не шло в голову, особенно помогали стихи и считалки, которые можно было нараспев повторять в темноте часами. Он знал штук десять и отдал бы свой скудный ужин, чтобы кто-нибудь дал ему выучить еще один стишок, пусть даже самый короткий и дурацкий.

Таинственная находка

В сказках, которые рассказывали Одду мать и бабушка, в глубоких пещерах главные герои всегда что-нибудь находили. Обычно сундуки с золотом или какие-нибудь мечи, которыми можно было победить злых чудищ и добраться до сокровища. Ну, или освободить спрятанных в подземных дворцах красавиц...

Самому Одду больше нравился вариант с сокровищами, потому что красавицы его мало интересовали, да к тому же, как он подозревал, с ними всегда бывает слишком много хлопот.

Лилл, что жила по соседству, изводила его с раннего детства, хотя и была, по-видимому, настоящей красавицей: белокурой, тонкой, как стебель, с огромными, вечно распахнутыми зелеными глазами. Определенно, она была красавицей – но лучше было держаться от нее подальше. А вот на золото можно купить дом, лошадей и мельницу! Одд много раз слышал от причитающих вечерами взрослых, как Лилл дружила с Гладдом и как жаль, что все так случилось... Сейчас вся эта история казалась не более чем дымком над гаснущей лампой: секунда, и все бесследно растворилось во тьме.

И еще, в деревенских сказках всегда чему-то учили. Раньше он не понимал этого, а теперь наверняка знал, потому что многое из услышанного помогло ему выжить здесь. Похоже, все эти сундуки с золотом и красавицы были придуманы только для того, чтобы малыш дослушал до конца и запомнил, как не заблудиться в пещере, или как, обмотав проволочку вокруг фитиля, обнаружить подземный газ, чтобы не взорваться на мелкие кусочки. Много чего такого, о чем следовало знать ребенку, оказавшемуся в орочьих норах под горой.

«Просто они знали, что так может случиться, – думал Одд про мать и бабуку. – Это знали их матери и бабки много-много поколений назад и готовили меня и других мальчишек, чтобы хоть чем-то нам помочь, когда придут орки, а семья окажется далеко».

Год от года орки приходили все чаще, и не было от них покоя. Иногда они даже копали норы под домами и забирались внутрь, выскакивая из подполья среди ночи, роняя слюни и вереща, как тысяча чертей. Бились со взрослыми, хватали детей и скрывались с добычей под землей так быстро, что соседи не успевали прийти на помощь.

Единственными, кого твари по-настоящему боялись, это больших пастушьих собак, которые их терпеть не могли и бросались в погоню, едва учуяв. В деревне было много собак. Всюду, где жили дети, их на ночь впускали в дом, чтобы охранять от орков. Но и это не всегда помогало: не можешь же ты каждую минуту жизни находиться рядом с этой лохматой скамейкой! А когда орки, вооруженные дубинками и ножами, нападали по пять-шесть, то не спасали даже самые верные псы.

Воевать с подземными тварями было трудно. Чтобы воевать, нужно найти, с кем сражаться. А орки выбирались на поверхность лишь на минуту и снова исчезали, протискиваясь в щели и норы. «Как черви среди костей земли», – говорила бабушка Олл. Эта ее фраза всегда пугала Одда больше, чем сам рассказ о жестоких демонах и подземных слепых чудовищах, высасывающих глаза спящих пастухов. «Кости земли» должны были быть чем-то воистину загадочным и жутким. Это звучало как древнее заклятие. Иногда во сне он видел что-то такое, для чего не мог найти слов, и каждый раз просыпался на мокрой подушке с криком ужаса, шепча «кости земли... кости земли».

Размышляя обо всем этом, Одд продолжал работать. Воспоминания и мысли как бы сами собой неслись в его голове цветной лентой, а руки привычно делали свое дело.

Вдруг кирка со звоном врезалась во что-то необычайно твердое, так что в пальцах с болью отдалась дрожь удара. Одд отложил инструмент, потряс рукой в воздухе и поднес лампу к своей находке.

Среди грязно-коричневых пластов камня что-то поблескивало: серебристая полоска там, куда пришелся удар кирки – как глубокий порез на сжатом увесистом кулаке.

Мальчик прикоснулся к необычному предмету, торчащему из развороченного известняка, и потер его, освобождая от грязи. Слои камня легко отходили от гладкой поверхности. Он потянул предмет на себя, но совершенно бесполезно: тот крепко врос в толщу и не поддавался.

Одд старался поменьше говорить вслух: из-за слизняков-шпионов, что были повсюду. Каждое слово мгновенно становилось известно оркам, а мальчик предпочитал не привлекать к себе их внимания. Но тут не сдержался от удивления:

– Это же дно древнего океана... – прошептал он над дрожащем огоньком лампы. – Штука упала в воду в незапамятные времена и осталась лежать на тысячелетия. Кто же мог ее уронить... тогда?

Одд обернулся и осветил сходящиеся воронкой стены за спиной: теперь уже два слизняка безучастно смотрели на него с выступов влажных камней. Один чуть пошевелился и медленно отполз в тень за деревянную балку.

«Он нашел... он нашел... – вдруг пронеслось в голове Одда чужими хлюпающими головами. – Нашел... нашел... сюда... идите... убейте...» – повторяли слизняки на камнях.

Сердце Одда, казалось, на миг остановилось, покрывшись льдом. Он понял, что теперь у него совсем мало времени, и начал быстро оббивать камень вокруг своей находки.

«Во что бы то ни стало я должен увидеть, что это такое! Что я нашел тут в глубине – прежде чем они придут и утащат меня в темноту!» – решил он, что есть силы работая киркой. Эхо от ударов громко разносилось в темноте за его спиной.

Все мысли покинули его, кроме одной: добраться до своей находки – вопреки всему – кошмарам из темноты, одиночеству, холоду! Ни секунды не думать ни о каких бегущих сюда тварях! Не подпускать к себе страх! Бить проклятый камень, пока они не пришли, – и будь что будет!

Его руки гудели от напряжения, а спина покрылась потом. Воздух вокруг звенел, наполнившись забытым бодрящим запахом, – так пахнет в саду в прохладный весенний вечер после грозы. Сумрак рассекли тонкие фиолетовые спирали. Не было времени разбираться, кажется это ему или происходит на самом деле. Впервые за долгое время Одд почувствовал, как его грудь расправляется, наполняясь силой, а ноги готовы бежать без усталости хоть до края мира...

Очень скоро кирка выломала большой кусок крошащегося, как труха, камня, и к ногам мальчика в очистившуюся от мути воду упал тяжелый металлический предмет, похожий на булаву. Одд бросил кирку, упал на колени и выхватил его из воды. Уже наплевав на слизняков, орков и страх, он принялся вертеть в руках и рассматривать удивительную вещь, которой тут просто не могло быть.

Булава была тяжелой и настолько холодной, что металл сразу покрылся пленкой белого инея. Одд поднес ее к огоньку тусклой горняцкой лампы. Огонек, сочащийся с фитиля, защелкал вблизи находки и подрост вчетверо, вытянувшись в яркую зеленую струйку света. Все, что происходило сейчас, было удивительным и неправдоподобным, как во сне. Время казалось почти застывшим, а все чувства обострились. Казалось, достаточно хорошенько прислушаться, и услышишь, как медленно оседают горы.

Вся рукоять булавы была разделена на множество тонких дисков и испещрена знаками – квадратами и треугольниками, сплетающимися в едва различимые цепочки. На вид она была абсолютно целой, и только у одного диска не хватало точно половины, словно кто-то вынул ее, отломив по линейке. Одд легонько ударил булавой о черенок кирки, и из щели на ладонь высыпался мелкий коричневый песок, пахнувший застоялой водой.

Сзади в темноте послышался топот, а в голове снова раздавалась тихое хлюпанье слизняков: «Здесь... здесь... идите... убейте».

Готовность к битве пронзила его словно искра. На мгновение Одду показалось, что это уже не сам он стоит по голень в ледяной воде, грязный и одетый в лохмотья, но другой, новый и сильный человек, всегда скрывавшийся где-то глубоко внутри.

Рукоять уверенно легла в руки, и Одд почувствовал небывалый прилив сил. Он повернулся, держа оледенелую булаву как свое верное оружие, готовый нанести удар по любой твари, которая выпрыгнет на него из темноты.

Мальчик понимал, что орки нападут толпой, и ему вряд ли удастся долго размахивать булавой – но тот из них, кто окажется самым быстрым, об этом очень сильно пожалеет. Годы работы в шахте научили Одда точно и сильно бить по камню. Голова орка ведь не прочнее камня, так? Значит, первому из них крупно не повезет сегодня!

В узком проходе мелькнули тени. Кто-то с плеском пробежал по натекшей с потолка луже. В зеленом свете ожившей лампы блеснули сощуренные глаза с роговыми выростами вместо бровей. Затем еще и еще за спиной несущейся на Одда твари.

Мальчик глубоко вдохнул и замахнулся плеча, округлив спину. Все мысли исчезли из его головы, кроме одной: «Стоять до смерти!»

Орков было не меньше четырех. По крайней мере, столько он разглядел за долю секунды перед ударом. Впереди, пригнувшись, двигался самый крупный – на голову выше мальчика и гораздо шире него. Видимо, Одда считали важной птицей и за ним послали охранника посильнее. Трое других были заметно мельче и тощими, как болотный тритон, – такие обычно слонялись туда-сюда в подземельях, роняя слюни и размахивая плетками над головами пленников.

На мгновение большой орк в ржавом дырявом шлеме и грязной набедренной повязке остановился, а потом взвыл, оскалившись, протянул лапы к лицу Одда и бросился на него.

В эту секунду Одд перехватил булаву поудобнее для удара и нечаянно провернул пальцами один из дисков на рукояти...

Пещера взорвалась ярким светом и исчезла.

Какое-то время перед глазами Одда был только этот ослепительный свет, грозящий разорвать голову на куски. И тишина. Абсолютная. Мягкая, как войлок.

Потом перед глазами медленно проступили плавающие размытые тени. Еще немногим после воздух наполнился уханьем совы и резким запахом ночного мокрого луга.

Одд стоял на лесной поляне, пригнувшись и готовый к удару, который, как оказалось, так и не успел нанести своему врагу. Над верхушками деревьев бледная луна тревожно ощупывало небо.

Прямо перед мальчиком вытянулся, словно застывший в прыжке, орк в дырявом шлеме – тот самый, что секунду или вечность назад бросился на него в шахте. Лапы с когтистыми пальцами твари тянулись к его лицу.

Одд сжался в комок, уперся ногами в землю и не стал ждать, пока орк придет в себя, – он закричал и со всего маха ударил его тяжелой булавой по виску, пока тот не кинулся на него. Ржавый шлем отлетел далеко в сторону, а грязное мешковатое тело рухнуло в густую траву... Он ведь предупреждал, что первому, кто приблизится, сильно не повезет!

Далеко когда-то

Все произошедшее полностью лишило Одда сил. Он опустился на траву, где стоял, и провалился в глубокое тревожное забытие, очнувшись только глубокой ночью от холода и от того, что кто-то назойливо чирикал возле уха. Прямо над ним на конце склоненного колоска устроился громадный кузнечик, издавая свою зубодробительную песню, которая может вдохновить только таких же голенастых скакунов, как он.

Выше раскинулся бескрайний купол черного неба с проседью, и мальчик в первые секунды даже подумал, что вновь оказался под землей. Но его лицо обдувал свежий ветерок, а вокруг шумел, шелестел, посвистывал и кудахтал ночной лес. Травами и цветами пахло так, что в голове взрывались фонтаны искр.

Нет больше никакой шахты! Осталась позади, где-то там, куда нет возврата!

Одд перевернулся на бок, подтянув колени к животу, и представил себя дома, лежащим в кровати под одеялом из утиного пуха. Еще чуть-чуть, и сквозь приоткрытую дверь спальни послышатся неразборчивые голоса родных – отца, матери, бабушек, устроивших чаепитие после долгого дня, когда все дела переделаны, а дети легли спать. Глазд беспокойно ворочается в постели и что-то бормочет, расталкивая подушки: никак не может заснуть. Наконец его терпение лопнуло: одна из подушек летит прямо в голову Одду, притихшему, вслушивающемуся в дыхание большого дома, ждущему, что брат вот-вот начнет веселую полуночную возню. Потом на шум игры придет мать или одна из бабушек, а может, и отец (что, конечно, гораздо хуже) неожиданно распахнет дверь и рывкнет на сыновей густым басом. Он-то, наверное, даже не понимает, что сам является частью игры, в которой взрослые – страшные чудовища, а они с братом – ловкачи-разбойники, водящие всех за нос...

Полежав еще немного в мягких объятиях травы, он понял, что чертовски голоден, но еще больше мучается от жажды. Воды просило все его тело. Ему хотелось сейчас броситься в холодное озеро, напиться из него и плыть, плыть куда-то, не различая берега, пока не оставят силы и он, перевернувшись на спину, не повиснет в колышущейся прохладе, глядя в ночное небо...

Одд сделал над собой усилие, вспомнил про свою находку и нашарил ее холодную рукоять подле ноги, встал, справившись с головокружением и сделал шаг – и тут же наткнулся на мертвого орка. Отвратительная тварь, продолжая скалиться, валялась, растянувшись в траве. Рядом с ней лежал смятый от удара ржавый шлем.

Одду стало противно оставаться здесь, и он бросился с холма в сторону ближайшей лесной прогалины, надеясь поскорее выйти к ручью или озеру. Ему хотелось убраться подальше ото всей этой истории, отдохнуть и набраться сил в безопасном месте.

Повсюду, насколько хватало глаз, его обступал густой лес. Травы, по которым бежал мальчик, были высокими и сочными. То и дело из них вспархивала напуганная куропатка или, высоко подпрыгивая на сильных лапах, убегал серый ушастый заяц.

Бежать вниз вдоль пологого склона было легко, и вскоре Одд заметил впереди блеск небольшого лесного озера. Выйдя к нему, он сбросил свою оборванную одежду, пошатываясь, пробрался сквозь камыш на открытое место, а потом долго плескался и фыркал в прохладной воде, пока не начал дрожать от холода. Как обычно, выходить из воды оказалось еще холоднее, чем сидеть в ней по шею, стараясь не шевелиться. Но и встретить утро, подобно лягушке среди прибрежных кувшинок, было бы уже слишком.

Одд выбрался, скользя на илистом дне, затем выстирал как мог штаны и рубаху, развешал их на кустах и сам устроился рядом на траве, прижав колени к груди от холода. Все равно сидеть и дрожать вот так на свободе было несравненно лучше, чем засыпать в подземелье рядом с десятком таких же, как он, измученных оборванцев под крики и сопенье орков.

Вода у берега нежно плескалась, нагоняя дремоту, и мальчик уже не понимал, что видел на самом деле, а что ему явилось сквозь сон.

Сзади раздался хруст ломаемой ветки и шум птичьих крыльев: ночевавшая в траве куропатка в панике взмыла вверх, высказав все, что думает по поводу дурацких ночных прогулок. Одд, уже было заснувший, вздрогнул и подскочил, хватая свое оружие. Булава была холодной, но уже не такой обжигающе-ледяной, как в шахте.

Совсем рядом за кустами под раскидистым молодым дубком стояли три коренастые фигуры. У одной в левой руке был факел, а в правой что-то вроде короткого копья с широким каменным наконечником. Остальные поигрывали увесистыми дубинами, переминаясь с ноги на ногу. Все трое безмолвно смотрели на Одда, переглядываясь между собой. Тот, что был с факелом, что-то сказал другим. Его голос больше напоминал грубый лай, чем привычную человеческую речь. Второй, стоявший в тени, ответил ему тем же, пожав широкими голыми плечами, – жест, во все времена и у всех племен означавший одно и то же: мол, кто его знает? Третий молча склонил голову набок и шмыгнул носом, рассматривая мальчика.

– Агр-рах! – пророкотал первый, подняв копьё.

– Агр-рах?! – повторил он.

Похоже, это был вопрос. С интонациями у пришельцев было не очень. Такие взлохмаченные дикари, поди, и колыбельную режут, как боевой клич.

Одд медленно поднял левую руку, растопырив пальцы в знак приветствия, но не выпуская тяжелую булаву из правой.

«Интересно, кому *не* повезет в этот раз?» – подумал он, не став развивать тему.

Между тем трое пришельцев, кажется, теряли терпение и что-то ворчали между собой. Недалеко позади них меж стволов прибрежной рощи появилось еще несколько факелов, которые быстро приближались. На свет тут же начали слетаться полчища мотылей, за которыми сновали барахтающиеся в воздухе, как брошенная тряпица, летучие мыши.

Одду оставалось только ждать, как будут развиваться события. Или... Что произошло тогда в шахте? Он как мог сконцентрировался, пытаясь вспомнить мгновения перед странной вспышкой. Кажется, тогда что-то щелкнуло в булаве... он сжал пальцы и... немного провернул диски, перехватывая ее в ладони. Если повторить этот фокус, то, быть может, он снова спасет ему жизнь... Или отбросит в орочи подземелья, из которых он таким чудесным образом спасся. Перспектива снова оказаться в плену у орков заставила Одда ослабить хватку. Проверять, что из этого может выйти, тем более стоя вот так – голодным, замерзшим и без одежды перед дюжиной коренастых дикарей в шкурах – совершенно не хотелось. Но от уверенности в том, что в случае чего крайний выход есть, стало заметно легче. Впрочем, Одду бы еще значительно полегчало, если бы на нем сейчас были надеты штаны, желателно сухие, но сошли бы абсолютно любые, хоть мокрые и в зеленый цветочек.

Когда к тем троим подошли остальные, на спине у одного из них, тощего и высокого, Одд увидел болтающегося вниз головой убитого им орка. Дикарь тащил его, как охотник дичь, связав ноги веревкой у щиколоток. Грязные ступни с задубевшей кожей в лунном свете казались гигантскими лягушачьими лапами. Бабушка Олл по осени готовила из таких отвар от кашля, засушивая лягушек на чердаке. Полезными она считала исключительно те, что ловила в особый день в самом начале лета. Поход за лягушками был одним из самых впечатляющих занятий в семье, приводивший малышню в полный восторг. Что об этом думали сами лягушки, осталось невысказанным.

Одд тут же воспользовался этим и, гордо выставив булаву в сторону орка (хотя выглядеть гордо замерзшему тощему мальчишке довольно сложно), прокричал как можно более грозно:

– Орк! Я убил! Мое имя Одд! – он похлопал левой ладонью себя по груди и еще раз для убедительности потряс в воздухе оружием. – Одд!

Пришельцы, у большей части которых была густая спутанная борода, переглянулись и снова что-то проворчали между собой. Те, что были без бород, выглядели значительно младше – примерно как сам Одд или около того, только намного крепче.

– Орк?! – прорычал тот, что стоял ближе. – Орк?! Ыдд?

– Да, да! Орк! Я убил орка! Я, Одд! Вот этим! – Одд снова похлопал себя по груди и показал булаву.

Звук от этих хлопков был, будто кто-то бросает тряпкой о мокрую стену. Совершенно не воинственный звук. Но демонстрация подействовала. Взлохмаченные пришельцы в шкурах пророкотали что-то, и ближайший, который был, очевидно, их вожаком, сделал приглашающий жест рукой. В его ладонь могла поместиться голова Одда, а мышц хватило бы на десяток таких, как он, хотя ростом тот был ненамного выше мальчика.

На всякий случай Одд еще раз хлопнул себя по груди, собрал одежду и двинулся с остальными. Всю дорогу то тут, то там звучало одобрительное «Ыдд!» и косматые люди кивали в его сторону.

Племя Хум

Они долго поднимались по склону большого пологого холма, поросшего лесом, пока не вышли на ровную, голую, как лоб, площадку, нависающую над обрывом. С одной ее стороны был освещенный костром вход в пещеру и несколько крытых шкурами хижин, а с другой – огромная чаша долины, наполненная темнотой и подсвеченная по краям поднимающимся из-за скал солнцем. Такого величественного зрелища Одд не видел никогда в жизни. Оглядевшись кругом, он узнал пики горных вершин слева и пологую тушу Свиной горы правее. В центре тусклым серебром отсвечивала широкая лента Ойи, разрезающая местность на две половины, как гигантский пирог.

Перед ним, несомненно, была долина Яттерланд, только сильно заросшая лесом, лишенная полей, деревень с их дымами, огоньками окон и собачьим лаем. Вместо этого предрасветную темноту наполняли терпкие запахи каких-то ночных растений и крики бесчисленной невидимой живности, встречающей первые лучи солнца.

Кое-что еще было по-другому. Например, далеко слева находилось большое зеркальное озеро, из которого в Ойю тянулся блестящий извилистый приток. Скалы вокруг были как будто круче, а их вершины густо-белыми от снега, хотя, очевидно, стояло лето или ранняя осень. Да и сама река, берег которой был излюбленным местом игры деревенских детей, теперь казалась полноводнее и шире. В общем, долина выглядела совершенно дикой, такой же, как его новые знакомые.

Навстречу пришедшим поднялись двое часовых, таких же коренастых, вооруженных огромными дубинами, сидевших до этого у костра спиной ко входу в пещеру, завешанному бычьими шкурами.

Двое дикарей, тащившие на перекладине тушу большого самца-оленья, устало сели прямо на камни. Тот, что нес на спине орка, сбросил его у входа в пещеру, огласив окрестности горловым криком. Его товарищи почему-то рассмеялись и затопали босыми ногами. Даже вождь расплылся в улыбке, показав всем крупные желтые зубы. Все его лицо было покрыто черными волосами, оставлявшими на виду только глаза и толстые подвижные губы. Брови пересекало несколько глубоких шрамов. Такие же рубцы украшали его голые плечи и мощные руки с толстыми короткими пальцами. Судя по виду, это был грозный, опытный воин.

Из пещеры и громоздких, как амбары, хижин, разбуженные голосами, начали выбираться люди. Судя по их числу, спали они вповалку целыми семьями. Взрослые, такие же коренастые с всклокоченными волосами, зевали, протирали глаза и поеживались от утренней прохлады, встречая вернувшихся с добычей охотников одобрителем бормотанием.

Первым к орку подбежал маленький кривоногий карапуз и, размахивая палкой, начал прыгать вокруг поверженного врага. Взрослые одобрителем бубнили. Среди них были бородастые густо татуированные мужчины, женщины в войлочных юбках, множество ребятишек и весьма колоритный старик с пучком седых волос на макушке и ожерельем из птичьих лапок.

Судя по всему, они не впервые видели орка и не скрывали радости по поводу постигшей его судьбы. Один из воинов поднял его скрюченную руку, будто измеряя в длину, одобрителем кивнул и пробасил что-то вождю. Тот махнул рукой в сторону Одда, добавив «ыдд». Его голос звучал как несмазанный колодезный ворот.

Шаркая по камням, к Одду подошел украшенный ожерельем старик, подслеповато посмотрел на мальчика, цыкнул единственным зубом и широко улыбнулся... Лучше бы он этого не делал: более смешного зрелища Одд за всю жизнь не видел, так что не вытерпел и рассмеялся, со звоном уронив булаву себе под ноги. Похоже, это стало сигналом для остальных, потому что все начали смеяться и хлопать его по спине с такой силой, что едва не сбили с ног, одобрителем рыча «ыдд гык орк!».

Вскоре все угомонились. Трое дикарей начали ловко разделять оленью тушу каменными ножами, а старая женщина с красными волосами тут же принялась раскладывать куски мяса у костра для прожарки. Чувствовалось всеобщее возбуждение. Все внимание теперь было приковано к этой женщине. Племя ждало ее сигнала, приготовившись к плотному завтраку, служившему, как догадался Одд, еще и обедом с ужином.

Одда мутило от голода, и запах свежего жареного мяса буквально сводил с ума. Как только все было готово, он вцепился в едва обожженный на кусок оленины и почувствовал себя совершенно счастливым.

Очень скоро мальчик уже спал под охраной грозного племени, зарывшись в теплые шкуры, крепко сжимая булаву в руках и не видя снов.

Раненый охотник

Больше полугода Одд прожил с племенем пещерных людей на широком уступе горы, которую местные называли «БІх». Очень похоже назывались все горы в округе, но «БІх» произносили громче всего, и сразу становилось понятно, о какой горе идет речь.

Поселение находилось на ровном пологом склоне, с которого открывался потрясающий вид на долину. Красивее и удобнее места, наверное, тут было не найти, хотя на такой высоте постоянно гулял ветер, вечерами пробиравший до костей. Не удивительно, что племя поклонялось горному орлу – для кабанов и медведей оно обосновалось высокогато. На краю селения в маленькую заводь с горы стекал прозрачный ручей, из которого они брали воду. Каждые несколько дней группа охотников спускалась вниз, в густые вечнозеленые леса, и каждый раз под утро следующего дня возвращалась с добычей.

Кроме хижин у входа в пещеру были устроены навесы для защиты людей и всякого добра от непогоды. Одд ожидал обнаружить там хлев или курятник, но ни животных, ни птицу дикари не держали, охотясь в лесу и на лугах долины. Изредка и не очень удачно они рыбачили на близлежащем притоке Ойи, вылавливая щук и сомов. Часть мяса засушивали впрок. Рога оленей и кабаньи клыки приносили в жертву какому-то местному божеству, деревянная статуэтка которого, напоминающая грозную птицу с человеческими ногами, хранилась в глубине горы. Чуть ниже за частоколом был разбит маленький огород с морковью. Ничего, кроме тощих оранжевых корнеплодов и сорняков, там не росло. Судя по всему, морковь считалась тут неземным лакомством. Морковная каша с горным медом и травами показалась Одду сомнительной перспективой, но из еловых шишек получилось бы куда хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.